

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.13

Original article

СМИРНОВ Александр Витальевич
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: excelsiorsm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1756-8941>

SMIRNOV Alexander Vitalievich
Northwestern Branch of the Russian State
University of Justice,
Saint Petersburg, Russia.

БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СУДЕБНАЯ ПОЛИТИЯ

THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
JUDICIAL POLITY

Аннотация. Всякой человеческой деятельностью, в том числе судопроизводством, движет интерес. Есть интересы частные и общественные, государственные и публичные. Они часто не совпадают и противоречат друг другу. Задача состоит в том, чтобы найти их баланс. Публичный интерес есть разумный компромисс между общественным и государственным интересом. Его достижение зависит от характера и качества государства, способности последнего обеспечить условия для сосуществования сталкивающихся между собой частных и общественных интересов на основе взаимных адаптаций, оптимизирующих устойчивые взаимодействия различных общественных сил. Цель: найти оптимальное соотношение между формами государственного правления, с одной стороны, и публичным интересом, с тем чтобы соблюдался разумный баланс публичных и частных начал; определить место и роль публичных и частных интересов в современном уголовном судопроизводстве; сформулировать основные требования к механизму уголовного процесса, которые бы отвечали правильным пропорциям в нем публичного и частного. Методы: структурно-функционального анализа, сравнительно-исторический, институциональный, типологический, эволюционный, генетический, формально-юридический. Результаты: наилучшие условия для баланса публичных и частных интересов могут быть созданы при такой форме правления, как республика-полития (в аристотелевском смысле), где все субъекты политического действия выполняют согласованные функции, полезные для общего дела, а власть учитывает разумные интересы всех категорий граждан. В сфере уголовного процесса

Abstract. Every human activity, including judicial proceedings, is driven by interests. These interests can be private and social, state and public. They often do not align and may contradict one another. The challenge lies in finding their balance. The public interest represents a rational compromise between social and state interests. Achieving this balance depends on the nature and quality of the state and its ability to provide conditions for the coexistence of various conflicting private and social interests through mutual adaptations that optimise sustainable interactions among different social forces. Purpose: to identify the optimal relationship between the forms of state governance on one hand and the public interest on the other, so that a reasonable balance of public and private principles is observed; to determine the place and role of public and private interests in contemporary criminal proceedings; to formulate the basic requirements for the mechanism of criminal proceedings, which would meet the correct proportions of public and private elements in it. Methods: structural-functional analysis, comparative-historical, institutional, typological, evolutionary, genetic, and formal-legal methods. Results: the best conditions for balancing public and private interests can be created under a form of governance such as a republic-polity (in the Aristotelian sense), where all subjects of political action perform coordinated functions beneficial to the common good, and authorities take into account the rational interests of all categories of citizens. In the realm of criminal proceedings, this form of governance corresponds to the

такой форме правления соответствует принцип строгой законности (официальности) уголовного преследования. Современная «западная» леволиберальная демократия, действующая в постмодернистской парадигме, оказалась неспособной его обеспечить, судьба уголовного процесса становится все более зависимой от релятивистских представлений власти о том, что считать преступлением, а что – нет, от позиций прокуроров и следователей о целесообразности уголовного преследования, от договоренности между собой потерпевшего и обвиняемого ради восстановления «общественного мира». Это в значительной мере затрудняет достижение целей частной и общей превенции преступлений. Однако баланс интересов в уголовном процессе не то же, что примирение или «общественный мир». Это в первую очередь процесс и итог справедливой процессуальной борьбы наделенных достаточной правосубъектностью сторон – такое взаимосвязанное их положение, когда всякий, в том числе частный эгоистический интерес направляется и объективно работает на общее дело правосудия. Справедливый баланс интересов в уголовном процессе может быть обеспечен, если все доказательства будут собираться сторонами только в состязательных судебных процедурах, в том числе в рамках предварительного следствия, сами же органы предварительного следствия станут выполнять нейтральную функцию объективного расследования, а не обвинения; распределение бремени доказывания будет поставлено в гибкую зависимость от фактической дееспособности участников процесса в доказывании определенных обстоятельств дела (объективной «посильности доказывания»); прекращение уголовных дел «по согласию сторон» будет допускаться лишь по экскузивным (извинительным) преступлениям, общественная опасность которых зависит от восприятия потерпевших.

Ключевые слова: публичные, частные, общественные, государственные интересы, баланс интересов, формы правления, демократия, республика, политика, постмодернизм, принципы законности и целесообразности, примирение сторон, восстановительное правосудие, судебные доказательства, следственный судья, функция расследования, бремя доказывания, экскузивные преступления

Для цитирования: Смирнов А.В. Баланс частных и публичных интересов в уголовном процессе: судебная политика / А.В. Смирнов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.13 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 117–126.

principle of strict legality (officiality) in criminal prosecution. Contemporary “Western” left-liberal democracies operating within a postmodern paradigm have proven incapable of ensuring this principle. The fate of criminal proceedings increasingly depends on relativistic notions held by authorities regarding what constitutes a crime; the positions of prosecutors and investigators concerning the expediency of criminal prosecution; and agreements made between victims and defendants in the name of restoring “public peace”. This significantly complicates the achievement of both private and general crime prevention goals. However, the balance of interests in criminal proceedings is not the same as reconciliation or “public peace”. It primarily represents a process and outcome of a fair procedural struggle among parties endowed with sufficient legal subjectivity; this interconnected status ensures that every interest, including private egoistic interests, is directed toward and objectively contributes to the common cause of justice. A fair balance of interests in criminal proceedings can be ensured if all evidence is collected by the parties solely within adversarial judicial procedures, including during preliminary investigations; if preliminary investigation authorities assume a neutral function of objective investigation rather than accusation; if the burden of proof is flexibly dependent on the actual capability of participants in proving specific facts of the case (objective “feasibility of proof”); and if the termination of criminal cases “by mutual consent” is permitted only for excusable (exculpatory) offences, whose social danger depends on the perception of the victims.

Keywords: public, private, social, state interests, balance of interests; forms of governance, democracy, republic, polity, postmodernism, principles of legality and expediency, reconciliation of parties, restorative justice, judicial evidence, investigative judge, investigative function, burden of proof, excusable offences

For citation: Smirnov A.V. The Balance of Private and Public Interests in Criminal Proceedings: Judicial Polity. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 117–126. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.13.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес в праве может быть определен как объективно существующая потребность субъекта, без удовлетворения которой он не может обойтись [1]. Различают общественные, частные, публичные, государственные интересы. Общественный интерес, как представляется, есть интегративный интерес всего общества, обусловленный потребностью обеспечения его гомеостаза (социостаза)¹ и устойчивого развития; частный – интерес отдельных лиц, состоящий в достижении и сохранении их благополучия. Общественные интересы не сводятся к совокупности частных интересов, которые могут не совпадать с общественными и противоречить им. Частные интересы могут приноситься в жертву общим, а иногда (например, при тиранической форме правления) и наоборот. Однако в целом проблематика защиты интересов личности всегда находится в орбите общественного интереса. Государственные интересы также не всегда полностью совпадают с общественными, хотя бы в силу того, что государство – это не все общество, а особенная его часть, цели которой во многом совпадают с общественными, однако могут с ними частично расходиться. Государство в материальном выражении представляет собой не что иное, как группу людей, составляющих управленческий аппарат, призванный поддерживать в определенных границах целостность и устойчивость общества и обладающий для этого монополией на насилие. Именно последний признак гарантирует эффективность государственного механизма. Как утверждал знаменитый французский философ Поль Рикёр, «государство есть неразрешимое противоречие рациональности и силы» [2, с. 201, 208]. Несовпадение и диалектика государственных и общественных интересов, как нигде более, обнажаются в уголовном судопроизводстве, где государство применяет наиболее строгое правовое принуждение к провинившимся членам общества. Судебные формы, принципы процессуального равенства

и состязательности, гарантии прав личности объективно ограничивают здесь государственную монополию на насилие, заставляют государство идти на компромиссы с общественными запросами. И только в результате компромисса государственных и общественных интересов рождаются публичные интересы и публичное право.

АРИСТОТЕЛЬ: РЕСПУБЛИКА И ПОЛИТИЯ

В силу своего происхождения от союза общества и государства публичные интересы обеспечиваются и реализуются прежде всего государством. Потому от характера и качества государства зависит наличие и степень соблюдения баланса публичных и частных интересов и сил. Французский философ-просветитель Шарль де Монтескьё полагал, что идеал государства состоит в таком общественно-политическом устройстве, при котором общественные и частные интересы находятся в полной гармонии [3, с. 157]. Эту гармонию, как утверждал еще Аристотель, не может в полной мере обеспечить ни одна из существующих форм правления: ни тирания (власть одного, когда частный интерес отождествляет себя с публичным: «Государство – это я»), ни олигархия (власть лучших по достигнутому положению и богатству), ни демократия (сменяемая власть политиков, декларируемая «в интересах всего народа»), ни охлократия (власть толпы). Идеальной формой государства Аристотель считал полицию, при которой влиятельное, но ответственное меньшинство правит, имея в виду интерес всех граждан, и к которой в исторической практике до известной степени приблизилась лишь классическая римская республика (*res publica*, что означает буквально – общее дело всех граждан).

Извращением политики, по Аристотелю, является демократия (власть, имеющая в виду не общее благо, а привлечение на свою сторону прежде всего малоимущих масс) [4, с. 181]. Демократию возглавляют политики-демагоги, покупающие поддержку своей власти у малоимущего большинства обещанием социальной справедливости как уравнительного распределения материальных благ. Но рано или поздно политики начинают обращать значительную часть распределяемых

¹ Гомеостаз – саморегуляция, способность системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Если эта система есть человеческое общество, гомеостаз принимает вид социостаза.

ими ресурсов в свою пользу, и тогда демократия вырождается в олигархию.

С точки зрения современности сущность республики-политии в идеале состоит в обеспечении условий для сосуществования различных сталкивающихся между собой частных и общественных интересов в различных сферах жизни (политике, экономике и др.) на основе комплекса взаимных адаптаций, оптимизирующих устойчивые коммуникации различных общественных сил. В подобной республике у власти стоит конструктивная политическая элита, принимающая в расчет интересы всех граждан и их корпораций, однако при том неременном условии, что все они, так или иначе, способствуют или по меньшей мере не препятствуют поддержанию динамического равновесия общества как условия его дальнейшего развития. Лишь такие интересы считаются законными, а те, что угрожают общему благу, не защищаются, а, наоборот, элиминируются. Наиболее рельефно данное имманентное качество республики проявляется при противодействии преступлениям как наиболее опасным девиациям в поведении индивидов. Неслучайно именно в римском праве республиканского периода родился девиз: *Fiat justitia, et pereat mundus* (Да свершится правосудие, даже если погибнет мир). Он означает, что уголовный закон должен быть применен при любых обстоятельствах, невзирая на лица и соображения, касающиеся общественной целесообразности. Такой подход в результате рецепции римского права был усвоен в Новое и Новейшее время европейским континентальным типом права в виде принципа законности (*Prinzip der Legalität*)².

СПОСОБНА ЛИ ЛЕВОЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ЗАЩИТИТЬ ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ?

Показательно, что с момента установления парламентаризма и примерно до середи-

ны XX в. термин «демократия» в политическом обиходе использовался нечасто, а в странах Европы и Америки больше предпочитали говорить о республике. Понятие демократии стало широко востребованным лишь после Второй мировой войны, с образованием ООН, противостоянием западной и социалистической мир-систем и принятием на вооружение либерализмом доктрины прав человека. В философии, науке, искусстве, праве, а также в массовой культуре *alter ego* демократии в это же время стала идеология постмодернизма, в основе которой лежит релятивистское восприятие мира как хаоса, или игры, предполагающей текстуальную многовариантность событий и исключающей строгий детерминизм. В социальной реальности постмодернизм созвучен процессу постепенного вытеснения вертикальных управляющих связей горизонтальными сетевыми, в которых место объективной действительности занимают дискурс, символ и миф, активно эксплуатирующиеся СМИ, которые сделались главным средством непрямого управления массами со стороны политических элит. Демократия, в первую очередь в странах Западной Европы, отождествляется с так называемым социальным государством, в котором все большая часть общественного продукта перераспределяется множасьей государственной леволиберальной бюрократией (не без выгоды для себя) от активных работоспособных граждан в пользу пассивных малоимущих и иммигрантов, существующих в основном на социальные пособия. Для нейтрализации же справедливого организованного недовольства продуктивной части населения в обществе культивируются индивидуализм, идеология тотальной толерантности ко всякого рода социальным девиациям, мультикультурализм, комплекс вины белого человека за колониальное прошлое и загрязнение окружающей среды (движение «зеленых») и т. п., что лишь приводит к постепенному нарастанию в недрах общества скрытой социальной напряженности. На наш взгляд, в настоящее время реальная «западная» леволиберальная демократия оправдывает нелестное аристотелевское определение, хотя и пытается позиционировать себя как общество всеобщего благоденствия.

² Принцип законности (официальности) предполагает, что уголовное преследование осуществляется уполномоченными государственными органами не по просьбе частных лиц (потерпевших от преступления, их представителей и пр.), а в силу служебного долга (*ex officio*) – всякий раз при обнаружении признаков преступления.

СУДЕБНОЕ СОСТЯЗАНИЕ ЛИБО «ОБЩЕСТВЕННЫЙ МИР»?

Закономерен вопрос: должен ли в мире постмодерна претерпеть изменения уголовный процесс – эта «лакмусовая бумага» всякого политического режима, безошибочно вскрывающая его сущность? Может ли он продолжать твердо следовать классическому принципу законности (официальности) в уголовном преследовании и приоритету публичных интересов перед частными, либо граница между ними будет размываться под предлогом соблюдения толерантности и поддержания общественного согласия? Неудовлетворенность прежней парадигмой научного мышления, порождаемая ощущением глубинных социальных изменений, спорадический поиск новых научных подходов дали импульс ряду направлений научных исследований, которые следуют не внутреннему юридическому анализу тенденций судопроизводства, а непосредственно представлениям авторов о существующих социальных процессах и запросах. При этом традиционная классическая модель уголовного судопроизводства, основанная на строгой законности процедур и предоставлении, с учетом общественного интереса, процессуальных прав и гарантий обвиняемому для обеспечения возможности эффективно состязаться со стороной уголовного преследования (справедливая, или должная судебная процедура, или *fair trial, due-process*), объявляется устаревшей, причем ее критика слышна как с правой, так и с левой стороны. С правой стороны традиционной модели противопоставляются теоретические конструкции, основанные на идее контроля над преступностью (*crime-control model*). Процессуальные формы заменяются в них непроцессуальными; решающее значение придается неформальным способам установления фактов, не обременяемых никакими правилами об исключении доказательств; репрессивные меры рассматриваются как функция уголовного судопроизводства, а весь процессуальный механизм – как средство ускоренного решения дел. В моделях контроля над преступностью публичная идея доведена до крайности, по существу, редуцируясь до голого государственного интереса. Однако модели «контроля над преступно-

стью» не получили на практике сколько-нибудь значимого воплощения по той причине, что они фактически игнорируют проблему защиты прав человека. На деле духу современной леволиберальной демократии более всего отвечает постмодернистская школа, выступающая с позиций не критики девиантного поведения, а его релятивистского понимания. Центр тяжести переносится с объективного содержания преступности на ее внешнюю сторону, когда преступление рассматривается не как социальный феномен, а как продукт уголовно-правового конструирования. Принцип *nullum crimen sine lege* понимается здесь как общественный консенсус в вопросе о том, что считать, а что не считать преступным в интересах поддержания властных отношений [5, с. 193–140]. Соответственно, задача уголовного преследования также становится условностью, зависящей от усмотрения властных субъектов, которые вправе счесть преследование и наказание преступника общественно нецелесообразными. Кроме того, судьба уголовного процесса становится во многом зависимой от позиций потерпевшего и обвиняемого, которые вправе договориться и заключить некое мировое соглашение, как бы восстанавливая тем самым «общественный мир». При этом классический принцип римского права *jus publicum privatorum pactis mutari non potest* (государственное право не может быть изменено решением частных лиц) фактически сходит со сцены.

Соблазн быстрого и экономичного достижения результата за счет снятия вызванного преступлением социального конфликта побуждает рассматривать примирение сторон в уголовном процессе и согласование их позиций как один из основных инструментов достижения баланса публичных и частных интересов. К такому выводу приходят и некоторые российские ученые, пусть в остальном, вероятно, и весьма далекие от крайностей постмодернизма. Так, например, А.А. Насонов пишет: «Потребность в эффективном уголовном судопроизводстве, предполагающем различные варианты сбалансированности интересов в нем (сбалансированность публичных и частных интересов, сбалансированность внутри системы частных интересов, сбалансированность внутри системы публичных

интересов), обуславливает появление новых уголовно-процессуальных форм, содержащих элементы примирения различных интересов... Механизм согласования можно отнести к одной из важных уголовно-процессуальных гарантий сбалансированности интересов в уголовном процессе» [6, с. 73, 75].

Наиболее логически завершенной разновидностью подхода, исходящего из примирения как основного инструмента разрешения криминальных конфликтов, является теория и практика «восстановительного правосудия», особенно популярная в ряде стран Западной Европы, США, Новой Зеландии и др., а с начала нынешнего века получившая сторонников и в России. Последние исходят из идеи, что «восстановительное правосудие – это новый взгляд на то, как обществу необходимо отвечать на преступление, и построенная в соответствии с этим взглядом практика. В отличие от карательного правосудия, которое служит публичным интересам, восстановительное призвано служить частным интересам» [7]. За основу здесь принимается не наказание, а примирение правонарушителя с потерпевшим и возмещение ему ущерба [8; 9]. Несмотря на ряд положительных следствий модели восстановительного правосудия: усиление внимания к интересам потерпевшего, более глубокое изучение данных о личности несовершеннолетних правонарушителей в рамках так называемой ювенальной юстиции – сущность «восстановительного правосудия», так или иначе, сводится к замещению публичного интереса частным, что сопровождается переоценкой возможностей характерных для него примирительно-компенсационных процедур для достижения целей общей и частной профилактики преступлений.

Дело, однако, в том, что понятие «баланс интересов» в уголовном процессе – далеко не одно и то же, что «примирение», «согласование интересов» или «общественный мир», оно намного глубже и отнюдь не всегда комплиментарно к самим носителям этих интересов. Понятия, тяготеющие к «общественному миру», не дают ответа на вопрос, какой ценой он будет достигнут, и, следовательно, допускают его покупку ценой паллиатива, сужения сферы публичных целей в пользу узких частных и групповых интересов. Напротив, понятие

«баланс публичных и частных интересов» вовсе не означает, что публичными интересами можно пренебрегать или даже уравнивать их с частными. Они в балансе с последними всегда должны играть ведущую роль в силу ярко выраженной публичной природы уголовного судопроизводства. Баланс не обязательно представляет собой равновесие, но, прежде всего, «соотношение взаимно связанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса»³. Поэтому баланс интересов в уголовном судопроизводстве – это в первую очередь не примирение и согласие, а процесс и конечный итог честной борьбы заинтересованных сторон, где обычно есть «победитель» и «побежденный». Следует, однако, подчеркнуть, что о публичных и частных интересах, а тем более об их балансе нелепо говорить, когда в государственном управлении, в том числе в уголовном судопроизводстве, безраздельно царствует самодержавный принцип *raison d'etat*, разрешающий применение любых средств (пусть даже произвольно введенных в ранг закона) для достижения узкогосударственных интересов. В истинном публичном интересе судопроизводства государственный интерес присутствует лишь в состоянии разумного и соразмерного самоограничения.

Таким образом, баланс интересов в уголовном процессе может достигаться сразу двумя способами: 1) через выявление сильнейшего в справедливом споре сторон (состязательный принцип); 2) посредством их согласия и примирения (принцип «общественного мира»). При этом второй способ, несмотря на всю свою, как может показаться на первый взгляд, очевидную рациональность, играет в публичном процессе второстепенную и вспомогательную роль. Вместе с тем и через начало публичности, проявляющееся в первом способе, реализуется не только государственный (контроль над преступностью)⁴,

3 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL <https://ozhegov.slovaronline.com/> (дата обращения: 29.12.2024).

4 Преступления ставят под сомнение одновременно и устойчивость общества, и монополию государства на насилие. Поэтому государство и преступность находятся в состоянии антагонистического противоречия, в силу чего естественное назначение государства в сфере уголовного процесса, равно как и смысл последнего для государства, – это противостояние преступности.

но и более широкий общественный интерес, состоящий в обеспечении сосуществования (в том числе путем разумного компромисса) различных, сталкивающихся между собой интересов участников судопроизводства, облеченных в форму процессуальных функций и в совокупности объективно способствующих общему делу, в данном случае – осуществлению правосудия⁵. При этом следует иметь в виду, что названный «государственный интерес» есть понятие условное и абстрактное, ибо в движение его приводят отдельные люди, которые в той или иной степени также находятся под влиянием собственных частных и групповых интересов, что вносит дополнительные коррективы в решение задачи достижения правильного соотношения публичного и частного начал, а именно в виде установления гарантий личности и правосудия против произвола агентов государства.

Возможна ли «СУДЕБНАЯ ПОЛИТИЯ»?

Каковы средства, с помощью которых в уголовном процессе может поддерживаться устойчивый баланс публичных и частных интересов? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде посмотреть, что этому мешает. Камнем преткновения на этом пути является, на наш взгляд, глубокое юридическое и фактическое неравенство способов и средств доказывания, имеющихся в распоряжении агентов государства (органов предварительного расследования, суда) и остальных участников процесса (стороны защиты, потерпевшего, гражданских истца, ответчика и т. д.). Собирать доказательства как таковые могут лишь первые, остальные фактически могут только ходатайствовать перед ними об этом, несмотря на декларируемый конституционный принцип равноправия сторон. Можно предположить, что предоставлению иным участникам права непосредственно собирать доказательства препятствует принцип «доказывания через дозволения» («в порядке, установленном

законом»), характерный главным образом для российской уголовно-процессуальной системы, поскольку этот порядок включает в основном следственные действия, которые в силу властно-принудительной их составляющей уполномочены производить в строго определенной форме лишь государственные органы. Существует простой на первый взгляд способ преодолеть это противоречие – путем перехода к иной системе доказывания, которую можно охарактеризовать как «разрешено все, что не запрещено», практикуемой в настоящее время в ряде государств, когда допустимы любые способы и средства доказывания, если они прямо не запрещены отдельными нормами закона либо судебными прецедентами. Не это ли залог реального равноправия сторон? Однако на поверку данная система доказывания встречается с «монополией на насилие», которое может быть лишь у государства, но без чего расследование преступлений было бы совершенно неэффективно, как, впрочем, и так называемое «адвокатское расследование», весьма ограниченное в возможностях получения от государства принудительной поддержки. Кроме того, в любом случае собранные сторонами сведения, если и попадают в орбиту судебного разбирательства, все равно принимают там форму определенных процессуальных средств (показаний, заключений экспертов, вещественных доказательств, протоколов осмотров и т. д.), формирующихся в зависимости от дискреционного усмотрения суда, то есть в итоге опять же участвуют в доказывании «через дозволения». Более того, при такой системе свободой собирания доказательственных сведений фактически почти исключительно пользуются агенты государства, редко связанные при этом строгими правилами, которые гарантировали бы интересы иных участников за счет соблюдения процессуальных форм, и в силу этого баланс публичных и частных интересов подвергается опасной деформации.

Но можно ли совместить доказывание «в установленном законом порядке», то есть посредством властных следственных действий, и равенство в доказывании государственных агентов с иными участниками? Оказывается, можно, если представить себе предварительное судебное следствие, прово-

⁵ Сошлемся здесь на позицию известного русского ученого-юриста Н.М. Коркунова, который полагал, что общественное значение права заключается именно в обеспечении возможности совместного существования различных сталкивающихся между собой личных и общественных интересов, что обеспечивает в итоге должный порядок общественных отношений [10, с. 227].

димое под эгидой следственного судьи, где любая из сторон вправе по своему усмотрению легализовать полученные ею в ходе предварительной подготовки сведения в качестве судебных доказательств⁶. Причем следственный судья ни в коей мере не является судебным следователем, но, будучи «судьей-над-следствием», лишь предоставляет сторонам судебную «площадку» для равного состязательно-исследования и формирования судебных доказательств, если они сочтут необходимым закрепить их в этом статусе «досрочно», еще до начала судебного разбирательства дела по существу. Никакие сведения, не прошедшие предварительной или итоговой судебной проверки, собранные «келейно», в условиях следственной тайны, доказательствами признаваться не должны, ибо судебные доказательства – лишь те сведения, что получены или проверены гласно, в стенах суда. И при этом они собираются строго посредством установленных законом следственных действий, правда, исключительно судебных. При таком подходе публичный интерес реализуется в гласности и состязательности процесса, обеспечивающих «совместное сосуществование различных сталкивающихся между собой личных и общественных интересов», а равно в императивных требованиях допустимости доказательств как сведений, полученных только в порядке, установленном законом; частный же и групповой интерес – через возможность гарантированно быть услышанным и, если голос твой окажется более убедительным, одержать победу в судебном споре.

Однако, как представляется, даже в этом случае баланс публичных и частных интересов все еще не будет полностью обеспечен. Причина – в фактическом материальном превосходстве стороны государственного уголовного преследования над приватной стороной защиты. Оно сохраняется в критической степени до тех пор, пока органы предварительного следствия зачислены в разряд обвинителей. Даже если доказательства формируются в судебных процедурах, информационную ос-

нову для них неизмеримо легче собирать государственным органам, нежели частным лицам. Поэтому следователь ради баланса интересов должен осуществлять функцию не обвинения, а объективного расследования. Перед ним может стоять только одна задача: беспристрастно выяснить все обстоятельства дела, невзирая на то, в пользу они или во вред обвиняемому, и получить подтверждающие их судебные доказательства. Возбуждение же уголовного преследования, а после окончания предварительного следствия и с учетом его результатов – поддержание государственного обвинения в суде либо отказ от обвинения и прекращение уголовного преследования – естественная задача и главная процессуальная функция прокурора⁷, опирающегося в этом на помощь органов дознания.

Впрочем, баланс интересов в судебном доказывании нуждается в особых средствах, если доказывание в силу фактических особенностей дела окажется объективно затруднительным или просто непосильным для одной из сторон. По нашему мнению, таким средством служит распределение бремени доказывания в интересах соблюдения принципа равенства сторон. Та сторона, которая объективно, в силу особенностей дела, находится в слабейшем и потому неравном с другой стороной положении, должна быть защищена определенной презумпцией. Последняя либо вообще освобождает ее от необходимости доказывания важного для нее обстоятельства (например, презумпция невиновности), либо, по крайней мере, делает эту задачу более легкой, сводящейся к тому, чтобы зародить разумные сомнения в позиции противоположной стороны по данному вопросу, после чего бремя доказывания перемещается на сильнейшую сторону (в том числе при опровержении защитой фактической презумпции вменяемости обвиняемого и др.). В ряде случаев для обеспечения равенства бремя доказывания может быть возложено и на сторону защиты, например, когда обвинителю приходится доказывать отрицательный факт. К примеру, по делам о хранении или ношении огнестрельного ору-

⁶ Судебными доказательствами можно назвать тогда, когда они, будучи получены не только в суде, но и в ходе предварительного расследования, могут использоваться на равных с доказательствами, полученными в судебном разбирательстве дела по существу.

⁷ Притом с прокурора вовсе не обязательно снимать и задачу надзора за соблюдением закона в действиях и решениях следственных органов (за исключением арбитра между сторонами – следственного судьи).

жия или наркотиков опровержение утверждения подозреваемого об отрицательном факте, а именно, что запрещенные предметы ему не принадлежат, и одновременно – другого отрицательного факта, состоящего в том, что он их на самом деле не находил, может опровергаться установлением положительных фактов незаконного приобретения этих предметов подозреваемым у другого лица, предшествующего длительного ими владения и т. д. Но если подобные положительные факты не могут быть установлены, виновность лица, ссылающегося на отрицательный факт, рискует остаться недоказанной. Однако характер этих позитивных обстоятельств таков, что о них гораздо лучше может быть информирован сам подозреваемый (о месте находки, очевидцах и т. д.), в то время как правоохранительному органу практически не по силам проверить все места, где был, и опросить всех лиц, с которыми мог контактировать подозреваемый, восстановив полную картину его предшествующего поведения.

Как уже упоминалось выше, в законодательстве многих государств используется институт прекращения уголовного преследования ввиду примирения сторон. В сущности, мы имеем дело с особой разновидностью мирового соглашения в уголовном процессе, причем нередко по делам о преступлениях, преследуемых в порядке публичного обвинения. В отношении каких преступлений допустимы подобные мировые соглашения? Первое, что приходит на ум, – критерий степени общественной опасности преступления. При этом ход рассуждений может быть примерно такой: «Мировое соглашение (примирение) возможно, если преступление не настолько опасно, чтобы публичный интерес считал себя ущемленным. Если же преступление тяжкое, то оно нарушает не только частный, но и публичный интерес, и поэтому прекращение дела за примирением невозможно». Однако государственное право не может быть изменено решением частных лиц, ибо всякое преступление посягает на публичные интересы по определению, ввиду присущей ему общественной опасности. Потерпевший вправе простить обвиняемого не потому, что престу-

пление опасно не для общества, а лишь для интересов потерпевшего, но потому и лишь тогда, когда деяние вообще не представляет общественной опасности. А это возможно только при одном условии: характер прощаемого деяния таков, что наличие или отсутствие у него общественной опасности зависит от отношения лица, подвергшегося посягательству. К такого рода деяниям могут быть отнесены, прежде всего, те преступления, объект которых лежит в сугубо личной, порой даже эмоциональной сфере, ибо они направлены на такие нематериальные блага, как физическая и половая неприкосновенность, честь и достоинство, права и свободы личности. Это клевета, оскорбление, некоторые половые преступления, нарушение неприкосновенности частной жизни, жилища, тайны переписки, отказ в предоставлении гражданину информации, нарушение моральных авторских прав, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и т. п. Оскорбление такими деяниями чувств потерпевшего само по себе есть факт общественно опасный. Напротив, непричинение реального морального вреда может превратить эти деяния в простые житейские события, делающие уголовное преследование нелепым или даже вредным. То есть не все деяния могут быть прощены потерпевшим, а лишь те, которые следует называть *экскузивными* (от лат. *excuso* – извинять, освобождать) преступлениями, допускающими извинение, то есть утрачивающими общественную опасность в результате прощения.

Выводы

Баланс интересов в такой специфической сфере, как уголовное судопроизводство, – это отнюдь не благостная картинка общего мира и согласия, а такое взаимосвязанное положение участвующих здесь сил, когда всякий, в том числе частный эгоистический интерес направляется и объективно работает на общее дело правосудия. Используя метафору, такой процессуальный строй можно уподобить аристотелевской политике, но применительно не ко всему государству, а к области уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Девицкий Э.И. Публичный и частный интерес в правотворчестве: критерии отграничения / Э.И. Девицкий [Электронный ресурс] // Пролог: журнал о праве. – 2020. – № 1. – URL: <https://www.prolaw38.ru/publicnyj-i-chastnyj-interes-v-pravotvorchestve-kriterii-otgranichenija/> (дата обращения: 29.12.2024).
2. Ricoeur P. Political and Social Essays / P. Ricoeur ; eds. D. Stewart, J. Bien. – Athens : Ohio University Press, 1974. – 293 p.
3. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 803 с.
4. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва : АСТ, 2022. – 502 с.
5. Клейменов И.М. Криминологические школы: от прошлого к будущему / И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 4 (53). – С. 134–143.
6. Насонов А.А. Разумное соотношение публичных и частных интересов в уголовно-процессуальной сфере и роль категории «согласие» в его обеспечении / А.А. Насонов // Общество и право. – 2022. – № 2 (80). – С. 71–76.
7. Максудов Р. Восстановительное правосудие / Р. Максудов [Электронный ресурс] // Неволя. – 2005. – № 4. – URL: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.html (дата обращения: 29.12.2024).
8. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
9. Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа / Л.М. Карнозова. – Москва : Р. Валент, 2010. – 480 с.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 430 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Витальевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov Alexander Vitalievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024; одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 10.01.2025.
The article was submitted 15.12.2024; approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 10.01.2025.

REFERENCES

1. Devitskii E.I. Public and Private Interest in Law-Making: Criteria of Differentiation. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2020, no. 1. Available at: <https://www.prolaw38.ru/publicnyj-i-chastnyj-interes-v-pravotvorchestve-kriterii-otgranichenija/>.
2. Ricoeur P., Stewart D., Bien J. (eds.). *Political and Social Essays*. Athens, Ohio University Press Publ., 1974. 293 p.
3. Montesquieu Sh. *Selected works*. Moscow, Gospolitizdat publ., 1955. 803 p.
4. Aristotle. *Politics*. Moscow, AST Publ., 2022. 502 p.
5. Kleymenov I.M. Criminological Schools: From the Past to the Future. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 2017, no. 4 (53), pp. 134–143. (In Russian).
6. Nasonov A.A. A Reasonable Balance of Public and Private Interests in the Criminal Procedure Sphere and the Role of the Category “Consent” in Its Provision. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2022, no. 2 (80), pp. 71–76. (In Russian).
7. Maksudov R. Restorative Justice. *Nevolya*, 2005, no. 4. Available at: http://www.index.org.ru/nevol/2005-4/maxud_n4.html.
8. Zer H. *Restorative Justice: A New Look at Crime and Punishment*: trans. from English. Moscow, Center “Judicial and Legal Reform” Publ., 2002. 328 p.
9. Karnozova L.M. *Criminal Justice and Civil Society. Experience of Paradigmatic Analysis*. Moscow, R. Valent Publ., 2010. 480 p.
10. Korkunov N.M. *Lectures on the General Theory of Law*. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ., 2003. 430 p.